

6 Бағызбаева оқулары
Багизбаевские чтения

«ЗАМАНАУИ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ
ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛАШАҒЫ»

«СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ»

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Джолдасбекова Б.У., Байбосынов Д.</i> Мотив любви к родной земле в произведениях Ивана Шухова и Габита Мусрепова	3
<i>Абишева У.К.</i> Структура и тематика поэтического сборника Б. Канашьянова «Над уровнем жизни»	5
<i>Абдигалиева А.Б.</i> Символика сновидений персонажей романа «Тяжелые сны» Ф.Сологуба	8
<i>Абишева С.Д.</i> «Реквием» М.Макаева в контексте мировой культуры	11
<i>Аладьина А.А., Белоус Е.Н.</i> Осложненное предложение в творческом контексте Л. Петрушевской	16
<i>Афанасьева А.С.</i> Мироощущение в романе «Сны окаянных»	20
<i>Бектурганова Г.З., Карибекова Ш.Б.</i> Г.Р.Державиннің «Фелица» одасындағы мазмұндық ерекшеліктер	23
<i>Баянбаева Ж.А.</i> Иран-Ғайып олендерін орыс тіліне аудару мәселелері	26
<i>Валентинова О.И.</i> Необходимость «Чрезмерного» «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого	29
<i>Джаламова Ж.Б.</i> Авторское время в поэме М.М.Пришвина «Фацелия»	35
<i>Қазыбек Г.Қ.</i> Шекспир драмаларының казак тіліне аударылу ерекшеліктері	38
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Проблема положительного героя в романах «Второго ряда» 70-90-ых годов XIX века	40
<i>Какишева Н.Т.</i> Жанровая специфика произведений Мориса Симашко на историческую тему	44
<i>Коваленко А.Г.</i> О «новом историзме»: постмодернистская проза.	47
<i>Лю Инь, М.В. Михайлова</i> Стилизация и травестирование мифа о золушке (рассказ «Сандрильона» Е.А.Нагродской)	51
<i>Ломова Е.А.</i> Взаимосвязь русской, английской и американской литератур в 20-30-е годы XX века	56
<i>Мухамадиев Х.С., Таттимбетова К.О.</i> Стиль эпохи и образ автора в аспекте интертекстуальной интерпретации	59
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Мотив памяти в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»	62
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Традиции и новаторство казахстанского романа на рубеже XX-XXI веков	66
<i>Свидова Н.В.</i> Поэтика мистического в повести Тургенева «призраки»	69
<i>Таттимбетова К.О.</i> Текстология ғылымының зерттеу міндеттері мен өзіндік айырмашылықтары (Төлеу Көбдіков шығармашылығы бойынша)	73
<i>Утепова Р.И.</i> Исследования о жизни и творчестве Олжаса Сулейменова: конфликт интерпретаций	75
<i>Уюкбаева М.И.</i> Социально-политические проблемы казахстанской литературы	77

Мироощущение в романе «Сны окаянных»

Диалогичность и полифония были присущи миру изначально, но сегодня, как никогда ранее, актуализируется плодотворная и позитивная по своей сути идея диалога культур и культурных традиций. Как известно, диалогическое мироощущение в философско-эстетическом аспекте впервые было концептуально осмыслено и сформулировано в трудах М. М. Бахтина. Ученый утверждал, что жизнь, как и произведение, полифонична и диалогична по своей природе, особо отмечая, что определенная совокупность слов, идей и мыслей проводится по нескольким неслиянным голосам. Своеобразие казахского романа, его историческое формирование изначально было связано с фольклором, устной и письменной традицией, ведущую роль в которой играла поэзия.

Первая часть романа трилогии «Сны окаянных» – «Поющие камни» представляет собой повествование о пробуждении личности после физических и нравственных потрясений. Роман начинается с того, что мы видим главного героя Жана в больничной палате, где он вспоминает свое прошлое. Уже здесь видно как реальность делится на две части: на настоящую, где находится сам герой и на ту, которую он вспоминает. Находясь в больничной палате, Жан совершает путешествие в другой мир и в другое время. Сама больница, по сути, является местом очищения человека, это как бы граница между мирами. В русской литературе героев, которые могут путешествовать во времени и пространстве, которые видят различные видения, всегда показывают в больнице. Так, например своего героя Ивана Бездомного, находящегося в больничной палате описывает М.Булгаков, В.Пелевин описывает Петра Пустоту и других героев, которые лечатся в больнице у Тимура Тимуровича. Таким образом, мы видим, что больница в литературном прочтении является место очищения сознания человека.

Герой находится как бы на грани между жизнью и смертью и в потоке своих мыслей мотив неизбежности становится ведущим, и движение сюжета героя, вспоминающего всю свою жизнь, находится в самой непосредственной связи с этим мотивом. В романе описывается не столько поражение, а его освобождение от фальши, пробуждение истины. Автор умеет прекрасно совмещать разные по времени и значимости события, переживания героя, его мысли, ощущения, внезапные ассоциации, которые постоянно переплетаются и перебивают друг друга.

Как было отмечено выше, герой пребывает в пограничном состоянии между настоящим и прошлым: «Прошлое это только образ, вихревой, долгий, неотступный. Явь – это больничная койка, к которой я прикован вот уже вечность» [2, 16]. Настоящий, действительный мир героя – это больница, которая сразу же ассоциируется с болью, вечным запахом хлорки, бредом, кошмарами, страхами, сновидениями, видениями и т.д.

Интересно то, что герою за все время пребывания у старика китайца никогда не снились ни диссертация, ни жена, ни окаянные проблемы быта, которые волновали его в реальной жизни.

Когда Жан работал у старика, вечером он еле добирался до своего сарая. Обычно говорят, что когда человек сильно устает от физической работы, то он практически не видит снов. Но в романе не так, как бы не уставал герой, ложась ночью спать, он вспоминал свое прошлое и видел различные сновидения и видения.

Всем известны, такие фразы как «жизнь есть сон», «жизнь – это театр». Так вот в романе «Поющие камни» главный герой Жан тоже говорит, что понять жизнь, ее смысл невозможно, очень трудно. Он говорит: «И сквозь дрему отрешенно сочатся чьи-то сонные мысли, что действительность больше похожа на смутную погоню за воображаемой целью, и то, что мы называем жизнью, может быть на самом деле, есть всего лишь чей-то заблудившийся сон» [2, 86].

В романе герой в сновидческом состоянии очень часто обращается к своему «Коке», плача, просит не уходить, вернуться назад. Это тоже является, по сути, сновидением героя, т.к. во сне Жан как бы возвращается в свое детство и там разговаривает с ним. Но это и нельзя назвать разговором, т.к. мальчик воспроизводит лишь свои мысли, свои чувства, а ответа от коке так и нет. В построении романа эти обращения выстраиваются как повторы, герой обращается к коке не один раз, а каждый раз. Например, идет повествование о старике, затем оно вдруг обрывается на обращении или Жан говорит о жене, а потом снова вспоминает Коке и т.п.

Вторая книга имеет такое же название, что и сам роман трилогия «Сны окаянных». Многие исследователи, говорили, что наиболее сильными частями являются вторая и третья часть. Да и сам А. Жаксылыков говорит, что первая часть является как бы введением, увертюрой. Во второй книге, как отмечает М. Ауэзов, автор выходит в другой мир, в «инфернальный». Главное повествование начинается именно в этой главе. Если в первой части А. Жаксылыков только просто намекнул об айдахаре по имени Полигон и ничего больше о нем не рассказал, то во второй части уже он уже описывает различные оружия, и то, что они сделали с этим полигоном. Кроме этого, мы знакомимся с новыми героями романа, детьми-мутантами, которых оставили военные в безлюдном городке со «Старым и вечно одиноким».

Уже с первого абзаца герой говорит о том, что он потерял грань между реальностью и ирреальностью, образами. По дороге в аул гул от мотора, раздумья о жизни, о реальности о существовании навевал на героя сон. «Проваливаясь в эти зыбкие сложные состояния, когда глубоко размышлялось чувство времени, ты не раз спрашивал себя с сомнением, уж не заблудился ли ты окончательно в сновидениях, ибо с какого момента потерял возможность ощущать грань между реальностью и образами» [3, 101]. И герой задается вопросом: «Так чем же не своего рода сновидение – вечно ускользающая реальность?» [3, 101]. Очень часто герой не осознавал где сон и где явь. Его душа витала в немыслимых глубинах, переходя из пространства в пространство.

Все самые интересные события начинаются с этой главы, когда герой нашел стопку школьных тетрадей: «кто-то тщательно обмотал красным бархатом плотный на ощупь предмет, укрыл его от света и внешнего взора, спрятал до поры до времени в футляр, чтобы послать его по волнам времени» [3, 115]. И первой тетрадью, которая попала ему в руки, была тетрадь с желтой обложкой. С этой тетради и начинается знакомство с детьми, у которых имена связаны с их внешними обликами. Всего их было семеро вместе со старшей среди них девочкой олененком Апке, которая не помнила, да и, в общем-то, и не знала своего настоящего имени, состоящего из четырех букв. Самыми смелыми среди детей были мальчик-волк Боря и мальчик-кабан Кабанбай, самым быстрым был мальчик-конь Тайбала, физически слабым, но непоседой был мальчик-заяц Коян, самым медлительным и сонливым был Уку-филин, и самым маленьким, и умным, а также любимцем всех остальных ребят был Малыш-утенок.

В романе описана практически вся история Казахстана. Самое страшное время, время джута описывается как сон, как будто этого не было, а просто приснилось людям. Ужасает то, что это все осмысляется через сознание ребенка, он говорит страшные слова, которые не должен говорить ни один ребенок на Земле. «Коке, я рыл могилы своими детскими руками, одну за другой, у матери уже не было слез, из глаз сирот, страшно смотрел голод, я рыл могилы, укутывал своей скорбью, укладывал спать братьев и сестер, я уложил спать всех...» [3, 165]. Время великого голода действительно хотелось бы считать сном, видением, а не явью.

Интересно, что в романе автор описывает сон во сне. Так, например герой, читая красную тетрадь, в которой велись записи Кояна, пребывал, можно сказать в состоянии сна, т.к. перед ним это все проходило как видение. И в этом видении описывается сон Малыша-утенка. «Ему снился сон, густой, непролазный, как лес, и во сне этом он был Кояном, трясся в ознобе, умирал в яме, мелко-мелко дрожал, аж шерсть ходуном, озирался глазищами лунными, озарял лес всполохами настороженного внимания» [3, 230]. Мы отмечали, что в романе герои могут легко перевоплощаться друг в друга. Так вот, малыш во сне перевоплотился в своего друга Кояна и в соответствии с именем боялся всего, оказавшись в лесу, где живут дикие звери. Он боялся ночи, т.к. именно ночью, под светом луны клубились сизые призраки и виднелись силуэты волков. По сути, страх перед встречей с волками, волкопсами, барсуками понятен. Густой, непролазный лес представляет собой городок, в котором проводились испытания. И из этого городка очень трудно выбраться, как и из густого леса. А волки, волкопсы и другие звери олицетворяют собой тех людей, которые проводили это испытание, нет скорее даже не их, а тех людей, которые сверху давали эти приказы. От страха во сне малыш говорил Апке, что ему больно. Во сне он вспоминал все то, что происходило в лечебнице с детьми, как они боялись уколов и просили: «Тетенька, не надо».

В романе часто говорится о том, где находится душа героев во сне или наяву, они не могли различить грани между мирами. «Кошмарный сон тот – твоя казнь, вечная кара, пятерня, ударившая из-за угла вселенной, крысиная армада, преследующая тебя по пятам с улюлюканием, свирящим визгом и торжествующим рычанием; здесь не различить, где явь, где сон, где заканчивается мрачная действительность и начинается взбесившаяся фантазия...» [3, 233].

Как известно герой жил в доме у женщины, и однажды поработав в огороде, он заснул прямо на грядке и погрузился в томительный сон «призрачные силуэты обступали толпой, внимательно

разглядывали тебя, распластанного на разогретой солнцем земле» [3, 245]. Если бы мы попытались проанализировать этот сон, не прочитав весь роман, то может быть, и не поняли бы смысла. Ведь, в начале романа мы не знаем о том, что за героем наблюдают люди, что он должен выполнить Программу, что эта неопытная женщина играет заданную роль, и следит за действиями героя. Вот только сам герой ничего об этом не знает. Здесь было бы уместным сказать, что автор является демиургом. Итак, силуэты, рассматривающие героя – это люди, которые на самом деле наблюдают за ним, но свои наблюдения они ведут при помощи женщины. Герой говорит, что когда эти силуэты приближались к нему, сон становился осмысленней, они пытались вовлечь его в свои действия, т.е. они хотели, чтобы он выполнял их поручения, шел по Программе. И когда герой пробуждался от сна, то обнаруживал, что за какой-то час огород менялся, он снова зарастал сорняками, покрывался насекомыми. Интересно то, что за час, по сути, огород не может так измениться. И мы задаемся вопросом: «Может это только герою так казаться, что он спал всего час, а на самом деле прошло много времени?»

Пробуждаясь от одного сновидения, герой погружался в другое, и так повторялось несколько раз. Причем сюжет сновидений практически не менялся, он видел все тех же людей, которые смотрели на него невероятными стрекозиными глазами. Говоря о стрекозиных глазах, имеется в виду, наверное, хитрые глаза. Чуть позже герой скажет, что у хозяйки стрекозиные глаза. Они следили за ним. Интересно то, что в обычной жизни не всем удается увидеть продолжение какого-либо увиденного своего сновидения, может это удастся только тем, кто нацеливается, это касается тех, кто может управлять своим осознанным сновидением. Таким образом, мы можем сказать, что наш герой тоже умеет управлять своими сновидениями, раз видит продолжение своего дневного сновидения и ночью. После этого сновидения, он увидел другую сцену, хозяйка посмотрела на него и сказала: «Иэти... Как бы они не украли твою душу?» Эта фраза снова путает и героя и читателей, то ли силуэты были наяву, то ли приснились. Но все же герой говорит, что его душу одолевают призраки и они водят его по своим лабиринтам. Лабиринт несет в себе символический смысл. «Лабиринт – это воплощение жизненного пути людей» [1, 35].

В общем, все настолько запуталось, что сам герой говорит: «В этих ужасных снах все было настолько перепутано, что сайтан не разобрался бы, где начало и где конец, где причина и где клубок следствий» [3, 266].

Третьей книгой романа трилогии «Сны окаянных» является «Другой океан» [4]. В этой книге продолжается повествование о герое, который все-таки не уехал назад в большой город, а наоборот остался с хозяйкой в ненаселенном городке.

Однажды герою приснился сон, в котором он шел домой через город. Город символизировал собой «огромный человеческий муравейник». Как отмечает А.Темирболат, образ города противопоставляется образу природы «как замкнутое и незамкнутое пространство, как переходящее и вечное» [1, 35]. Интересно описание города, людей. Здесь вспоминается Н.В.Гоголь со своим «Невским проспектом», а именно то, как он описывает людей, идущих по этому проспекту. Так и у нашего героя люди, живущие в городе, представляют собой различных животных, например, рэкетеры и бандиты были похожи на медведей, мошенники – лисы и т.д. Во сне он увидел свою квартиру. Что бы ни говорил герой о своей прошлой жизни, во сне видно, что он скучает по своему прошлому. Он говорит, что заблудился даже не во времени, а в пропасти снов.

Книга «Другой океан» занимает особое место в романе трилогии «Сны окаянных». Потому что именно в третьей книге идет развязка двух предыдущих книг. В этой книге герой узнает об эксперименте под названием «Программа». Этот эксперимент должен был «смоделировать выживание остатков человечества в экстремальных условиях послесредерной войны» [4, 446].

Литература

1. Темирболат А. Хронотоп в прозе В.Набокова и А. Жаксылыкова // АЙТ. – 2006. – №2. – С. 33-35.
2. Жаксылыков А. Поющие камни // Сны окаянных: Трилогия. – Алматы, 2006. – С. 15-100.100. Жаксылыков А.Ж. Сны окаянных: Трилогия. – Алматы, 2006. – 526 с.
3. Жаксылыков А. Сны окаянных // Сны окаянных: Трилогия. – Алматы, 2006. – С. 101-300.101. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205493840>
4. Жаксылыков А. Другой океан // Сны окаянных: Трилогия. – Алматы, 2006. – С. 301-523.